

УДК 340.12

Гребеньков Г.В.,

доктор философских наук, профессор,
Донецкая академия внутренних дел
Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики

Grebenkov G.V.,

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry
of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic*

ПРАВО В ЕГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ ИЛИ ЧТО ДЕЛАЕТ ЛИЧНОСТЬ КОМПЛИМЕНТАРНОЙ ПРАВУ

Статья посвящена рассмотрению основополагающих для теории правовой личности вопросов структуры, компонентов и механизмов связи права и индивида как составной части правовой системы социума; представлена феноменология и анализ таких правовых модальностей как принуждение, подчинение, признание и призвание.

Ключевые слова: право, правовые модальности, правовое принуждение, признание права, призвание к праву.

THE LAW IN ITS EXISTENTIAL MEASUREMENT OR WHAT IS MAKING PERSONALITY COMPLIMENTARY TO LAW

The article is devoted to consideration of fundamental for the theory of legal person questions of structure, components and mechanisms of relationship of law and individual as the component of legal system of society; there are represented phenomenology and analysis of such legal modalities as compulsion, subordination, confession and vocation.

Key words: law, legal modalities, legal compulsion, confession of law, vocation to law.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями. Как известно, еще в начале XX столетия российский философ права и юрист Б. Кистяковский в своей диссертации «Общество и индивидуальность» (1899) и более поздних публикациях «В защиту права (интеллигенция и правосознание)» (1909) охарактеризовал правовую личность как личность, дисциплинированную правом и устойчивым правопорядком, наделенную всеми правами и свободно ими пользующуюся. В этом случае, полагал он, личность оказывается задействованной в деятельности по защите своих неотчуждаемых прав, ее отличает понимание своей персональной ответственности за соблюдение законов государством и каждым гражданином [1, с. 120-193].

Зададимся вопросом, что значит «дисциплинированную правом», а также «наделенную всеми правами и свободно ими пользующуюся». Вероятно, что это суждение в концептуальном пространстве правовой теории личности, рассматриваемой в качестве системного ценностного феномена можно интерпретировать как наличие такой личностной системы ценностей, которая комплиментарна (позитивно ориентирована) социально-исторической системе ценностей права, внутри которой личность становится – социализируется и персонализируется [2, с. 145-158]. Иначе говоря, правовая личность становится таковой, если она усваивает ценности общества и принимает их как «должное быть», как свои императивы жизнедеятельности, как свои убеждения. И более того, личность как социальный индивид, по Б. Кистяковскому, обладает правовым статусом,

обеспечивающим наличие и знание своих прав, которые, становясь элементом личностного «Я», обеспечивают понимание необходимости контроля – обратной связи за деятельностью государства как правового института. И если это суждение верно, тогда что же делает личность комплиментарной праву как социальной системе ценностей?

Думается, что ответ на этот вопрос следует рассматривать в диалектической взаимосвязи права как объективного феномена социального бытия, выполняющего функцию скрепы порядка и законосообразности воспроизводства общественной жизни, и права как компонента личностной системы ценностей человека. Речь в данном случае идет о тех имманентных модальных свойствах правового, которые придают личностным ценностям статус правовых личностных ценностей.

В свое время известный немецкий философ-юрист О. Гирке выразил эту мысль в следующих словах: «Ценность, сила и прочность господства права зависит от того, в какой мере положительное право представляется чувству, воле и разуму...» [3, с. 6].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор. В настоящее время многие авторы как в отечественной литературе (Д. Керимов, И. Лизиков, В. Малахов, Г. Мальцев), так и за рубежом (Р. Алекси, В. Бергман, Р. Давид) возвращаются к истокам фундаментальных проблем правовой теории, погружаясь в контекст психолого-антропологических исследований права, как наиболее на сегодняшний день значимой в теории права проблематике. Это обстоятельство, а также желание включиться в обсуждение поднимаемых в настоящей статье вопросов и обусловили необходимость появления данной публикации.

Нерешенные ранее части общей проблемы, которым посвящается обозначенная статья. Согласно авторской позиции, комплиментарной праву как социальной системе ценностей, личность делает не наличие особых ценностных структур правового сознания, а те имманентные, объективно присущие праву модальные свойства правового, которые, собственно, и придают личностным ценностям статус правовых.

На наш взгляд, к такого рода модальностям следует отнести феномены «принуждения», «подчинения», «признания» и «призвания». Именно эти характеристики правового, мыслимые в их субъективном воплощении, наиболее точно выражают атрибутивные объективные измерения бытия права – долженствование (императивность), легальность и легитимность, а следовательно – и смысл права [4, с. 185-226]. Именно эти характеристики, полагаем, и придают правовой статус личностным ценностям человека, вводя в содержание экзистенциалов личностного бытия правовой контекст.

Формулировка целей статьи. Раскрыть содержание атрибутивных признаков (модальностей) права как имманентных природе права, его содержанию и функциям сущностных его (права) характеристик.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Еще В. Хвостов, крупнейший дореволюционный социолог, историк и теоретик права, в своих работах «Нравственная личность и общество. Общая теория права» высказывал мысль, совпадающую, кстати, со взглядами Л. Петражицкого, что психическое принуждение является важнейшим фактором социального управления, если принимает нормативно-правовой или нормативно-моральный характер [5, с. 426]. Ведь не секрет, что принуждение в его нормативно-правовом измерении органично присуще государству, как социальному институту, независимо от исторического контекста. Посему право, не обеспеченное принуждением, фигурально выражаясь, «вовсе и не есть право». Сошлемся на мнение известного в прошлом философа права В. Гессена: «Принуждение – это ползучее растение, которое обвивает все стороны государственного управления; это один из приемов, которым

пользуется государство для осуществления своих задач». [6, с. 23]. В самом деле, в действующем позитивном праве практически в каждой правовой норме мы обнаруживаем модальность принуждения. Причем, в ряде случаев, особенно связанных с уголовным и уголовно-процессуальным принуждением, последнее есть неперемный атрибут государственной власти, функция которой, по мысли Ф. Хайека, – создать условия, в которых индивиды и группы лиц могут успешно преследовать свои цели и реализовать свои интересы. При этом, как утверждает Ф. Хайек, принуждение оправдано лишь для того, чтобы создать рамки, в которых мы могли бы использовать свои способности и знания для собственных целей – при условии, что наши действия не нарушают столь же защищенной сферы других [7, с. 461].

Действительно, право обеспечивает воспроизводство социального бытия как целого, но это воспроизводство связано с преодолением изначально присущих «человеческой сущности» (И. Кант) антагонизмов и конфликтов, и поэтому право всегда обеспечивает принудительный характер реализации социальным индивидом своих фундаментальных экзистенциалов, связанных с реализацией установок на жизнь, «бегства от смерти» как иновыражения свободы, обеспеченной справедливым и равным доступом к материальным и идеальным ценностям культуры.

Что касается феномена принуждения как нормативного экзистенциала личности, то подлинное право всегда «принуждает» и призывает жить и быть свободным, одновременно наказывая за нарушение норм проявления этой свободы, изменяя пространство-время жизни «нарушителя» и тем самым, в конечном счете, приближая человека к смерти – вначале социальной, а впоследствии, возможно, и физической. При этом право обеспечивает необходимость и ответственность индивида за способы и направленность реализации своих личностных экзистенциалов через подчинение принятым в качестве правовых норм императивам поведения. И здесь подчинение императивам следует понимать так, как это делал И. Кант, говоря, что «под императивом вообще понимается всякое положение, указывающее возможным свободный поступок, благодаря которому должна быть реализована известная цель» [8, с. 394]. Иначе говоря, правовое «принуждение», как и правовое «подчинение», должно быть ничем иным, и поэтому его следует понимать только как способ свободного, ценностного и целерационального поведения человека как личности, основанного на знании границ своей и чужой свободы и социального пространства ее воплощения.

«Понимание правовых норм и согласие подчиняться им, – писал И. Ильин, – предполагает в живом существе не только наличность духовной силы вообще, но и значительную умственную и духовную зрелость. При отсутствии этих условий правоотношение или невозможно, или нелепо» [9, с. 326]. С ним соглашался Л. Петражицкий, утверждавший, что право действует не только там, где его фиксирует юриспруденция, но и в любом другом месте, где существуют личностные отношения и отношения подчинения [10, с. 426].

Подчинение правом индивидуальной свободы как проявление своеволия «недоброжелательной общительности» (И. Кант), подпитываемое трансгрессивной интенциональностью витального «я» индивида, объективно обеспечивается осознанием и признанием в качестве императива жизнедеятельности, индивидуальной свободы другого (других). Не зря, видимо, Г. Гегель, автор первого в истории европейской философии систематического концептуального труда по философии права, относил признание к сфере «субъективного духа» и представлял этот правовой личностный экзистенциал в качестве особого состояния самосознания, «когда носитель последнего соотносит себя с другим субъектом, стремясь показать себя в качестве свободной самости» [11, с. 242]. Тот же И. Ильин, как известно, блестящий знаток философии Г. Гегеля, написавший и

защитивший диссертацию на тему «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918), полагал, что правоотношения покоятся на взаимном признании людей.

На наш взгляд, признание может быть представлено в качестве такого правового экзистенциала (личностной аксиологической функции), который присутствует в сознании индивида в качестве убеждения и одновременно как переживание состояния ограничения своего произвола и осознания индивидом своей свободы как долга и ответственности перед собой и другим.

Между тем, «признание» в правовом измерении всегда вызывает к жизни и придает правовую характеристику такой аксиологической личностной функции, как справедливость. И здесь личностная «справедливость» пересекается с личностной «справедливостью» другого в отношении к общему ее критерию – правовой норме, закону как объективации справедливости, который, собственно, и устанавливает то, что мы называем равенством, формальным равенством индивидов перед правовой нормой.

Феномен признания как личностный экзистенциал предопределяет также выбор типа правопонимания и, следовательно, способа отношения индивида к праву. Речь идет о том, что признание/непризнание как правовая модальность личностных аксиологических функций по отношению к праву означает придание всему аксиологическому «я» определенной поведенческой интенции – уважение и исполнение правовых предписаний или непринятие последних, т.е. такие отношения личности к праву, которые в литературе обозначаются терминами «законопослушание», и, в противовес ему, «правовой/юридический нигилизм». Через признание, в психологической форме убеждения, реализуются личностные аксиологические функции:

- а) ответственность личности за свои поступки,
- б) долг как убеждение в важности исполнения личностью своих обязанностей;
- в) справедливость как мера равенства участников правового общения;
- г) свобода как условие гарантии реализации своих юридических прав и обязанностей в качестве *homo juridicus*, понимаемого в данном случае, всего лишь, как гражданин.

Особое место в ряду правовых модальностей аксиологического «я» принадлежит призванию. В своей известной работе «От обязанности к призванию, от призвания к праву» Э. Соловьев относит этот феномен к определенному типу нормосуществования. В нашей концепции правовой личности как иновыражения личностного «Я» призвание интерпретируется как психологический феномен влечения к какой-либо деятельности, сочетающейся с позитивной самооценкой своих способностей к ней [12, с. 62]. Кроме влечения к деятельности и уверенности в наличии способностей к ней в призвании в качестве обязательного компонента присутствует аспект долженствования, т.е. отношение к деятельности как к тому, чем необходимо овладеть. Поэтому, действительно, о призвании можно говорить не только как о норме (Э. Соловьев), но и как о цели. При этом, говоря о призвании как о цели овладеть определенной деятельностью, выполнять ее, мы имели в виду не какую-то одну конкретную деятельность. В качестве главной смыслообразующей цели у человека как социального индивида выступает стремление реализовать, воплотить свою жизнь как иерархическую аксиологическую личностную систему и целостный образ жизни.

Таким образом, в призвании реализуется аксиологическая функция признания как позитивная экзистенциальная интенция человека к социуму как условию его личностного бытия. Т.е. призвание, будучи аксиологическим личностным феноменом, отражает функционирующие в обществе ценностные системы и выражает отношение «Я» к ним. В призвании личности, следовательно, отражаются требования культуры, ибо объективно личность выполняет свою жизнь определенную задачу, поставленную социумом, где

право выполняет функцию контроля (принуждения) за ее осуществлением. И одновременно призвание суть выражение стремления человека выполнить свою смысложизненную задачу – личностным образом построить свою жизнь, а это значит, призвание есть характеристика автономности (самостоятельности) человеческого существования, т.е. то условие, вне которого право невозможно и теряет всякий смысл.

Напомним, что именно автономность личности как способность быть «господином самому себе» благодаря добровольно выбранным принципам И. Кант положил в основу права, придав ей статус первоначала права. «На арене социальной жизни, – пишет в другой работе Э. Соловьев, – автономия обнаруживает себя как инициативность, ответственность, предприимчивость, способность строго контролировать свое поведение и подчинять его единой жизненной стратегии» [13, с. 67]. Как видим, аксиологический личностный экзистенциал призвания в правовой сфере разворачивается практически через весь набор характеристик, присущих правовой личности, ибо именно он придает направленность и влияет на структурирование аксиологического «я» индивида в направлении требований культуры, оставляя за индивидом «право» на выбор способов самоопределения в ней.

Призвание и признание суть императивы, с одной стороны желаемого, а с другой – должного, присутствующие в сознании человека как знание о внешнем мире в качестве социокультурной реальности норм и правил жизнедеятельности и одновременно как самосознание – источник выбора автономного способа жизнедеятельности «внутри» этих норм и правил. Признание и призвание обеспечивают легальность и легитимность права на личностном уровне его бытия. Это, так сказать, легальность и легитимность в персонологическом экзистенциальном измерении права.

Выводы по исследованию и перспективы дальнейших поисков в данном направлении. Все названные модальные признаки аксиологического «я» (принуждение, подчинение, признание и призвание) даны индивиду, как феномены его психики, в первую очередь как феномены сознания. При этом следует понимать, что если в первых экзистенциалах право выражает «волю» социума через свою систему конкретно-исторических ценностей, то в феноменах признания и призвания право представлено в конечном счете как «продукт» работы сознания и самосознания.

«Успех действия права в жизни вообще обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает их нравственное сочувствие и поддержку», – писал П. Новгородцев в конце XIX столетия. «Без этой поддержки право превращается или в мертвую букву, лишённую жизненного значения, или в тяжкое бремя, сносимое против воли» [14, с. 26]. Но только ли в сознание, говоря словами П. Новгородцева, «проникает» право? Ведь право, будучи объективной реальностью (правовой реальностью), отражается всем «набором» психического, в том числе и тех его характеристик, которые, согласно П. Симонову, суть предсознание и бессознательное.

Список использованной литературы

1. Кистяковский, Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) [Текст] / Б.А. Кистяковский // Вехи. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 120-193.
2. Гребеньков, Г.В. Очерки по философии права [Текст]. – Донецк: Донецкий юридический институт ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2009 г. – 216 с.
3. Канторович, Я.А. Основные идеи гражданского права [Текст]. – Юрид. изд-во НКЮ УССР. – Харьков, 1928. – 309 с.
4. Гребеньков, Г.В. Человек в правовом бытии: Введение в правовую

персонологию [Текст]. – Донецк: Донецкий юридический институт, 2013. – 540 с.

5. Жоль, К. Философия и социология права [Текст]. – К.: Юринком Интер, 2000. – 480 с.

6. Гессен, В.М. Административное право. Популярные лекции для самообразования [Текст]. – Спб., 1903.

7. Хайек, Ф.А. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики [Текст]. – М., 2006.

8. Кант, И. Трактаты и письма [Текст]. – М.: Наука, 1980. – 710 с.

9. Ильин, И.А. О сущности правосознания [Текст] / И.А. Ильин. – М.: Рарогъ, 1993. – 235 с.

10. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности [Текст] / Л.И. Петражицкий. – СПб.: Лань, 2000. – 608 с.

11. Максимов, С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления [Текст] / С.И. Максимов. – Х.: Право, 2002. – 328 с.

12. Платонов, К.К. Понятие «структура» в учении о личности [Текст] / К.К. Платонов // Проблемы личности. – М.: Наука, 1965. – 218 с.

13. Соловьев, Э.Ю. Личность и право [Текст] / Э.Ю. Соловьев // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 67-90.

14. Новгородцев, П.И. О своеобразных элементах русской философии права [Текст]. // Сочинения / П.И. Новгородцев. – М.: Раритет, 1995.

Статья поступила в редакционную коллегию 04.07.2018